

СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ
ОТЧЕТ
VI

КОНГРЕССА
КОМИНТЕРНА

ВЫПУСК 3

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1 9 2 9

СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ

VI

КОНГРЕСС
КОМИНТЕРНА

ВЫПУСК
ТРЕТИЙ

СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ

ПРОГРАММА МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1929 ЛЕНИНГРАД

О Т П Е Ч А Т А Н О
В 1-й ОБРАЗЦОВОЙ
ТИПОГРАФИИ ГИЗА.
Москва, Валуевая, 28.
Главлит А-50176. А. 10.
Гиз № 35438. Зак. № 2797.
Тир. 10,000 экз. 12 п. л.

ОГЛАВЛЕНИЕ III ВЫПУСКА

	<i>Стр.</i>
Заседание двадцать четвертое—9 августа 1928 г. (утреннее)	7— 32
Доклад т. Н. И. Бухарина о проекте программы Коммунистического Интернационала. Заявления тт. Бэнтинга и Беннета. Приветствия и ответы на приветствия.	
Заседание двадцать пятое—9 августа 1928 г. (вечернее)	33— 38
Прения по вопросу о программе Коммунистического Интернационала. Речи тт. Сикандер-Сура—<i>Индия</i> (33), Ринга—<i>Польша</i> (33), Реймана—<i>Чехо-Словакия</i> (36). Воззвание к трудящимся всех стран против оккупации Литвы польскими империалистами.	
Заседание двадцать шестое—13 августа 1928 г. (утреннее)	39— 76
Прения по вопросу о программе Коммунистического Интернационала. Речи тт. Денгеля—<i>Германия</i> (39), Султан-Заде—<i>Персия</i> (50), Альфонсо—<i>Индонезия</i> (57), Бранда—<i>Польша</i> (58), Варги—(62), Хоразы—<i>Чехо-Словакия</i> (68), Уайнстопа—<i>САСШ</i> (74).	
Заседание двадцать седьмое—13 августа 1928 г. (вечернее)	77—121
Прения по вопросу о программе Коммунистического Интернационала. Речи тт. Ринга—<i>Польша</i> (77), Лозовского—комфракция Профинтерна (80), Семара—<i>Франция</i> (90), Арнота—<i>Великобритания</i> (98), Серра—<i>Италия</i> (102), Коларова—<i>Болгария</i> (105), Дункера—<i>Германия</i> (108), Миколоса—<i>КПЗУ</i> (110), Нарайана—<i>Индия</i> (119).	
Приложение: Заявление индонезийской делегации (121).	
Заседание двадцать восьмое—14 августа 1928 г. (утреннее)	122—155
Приветствия. Заключительное слово т. Бухарина по вопросу о программе Коммунистического Интернационала.	
Приложение: Проект программы Коминтерна	
	156—192

ОТ РЕДАКЦИИ.

Настоящий выпуск содержит стенографическую запись 24—28-го заседаний (9—14 августа 1928 г.) VI Всемирного конгресса, посвященных дебатам по вопросу о программе. Этим дебатам предшествовало углубленное обсуждение первоначального проекта программы на заседаниях программной комиссии, созданной 9 мая 1928 г. Исполкомом Коминтерна в качестве подготовительной к VI конгрессу. Работы этой комиссии сопровождались дискуссией на столбцах партийных органов почти всех секций Коминтерна, давшей ряд ценных указаний. Работа комиссии Исполкома была продолжена специальной расширенной программной комиссией, избранной на 4-м заседании VI конгресса. Эта последняя работала с 31 июля по 27 августа 1928 г. и на своих 13 заседаниях подвергла детальному обсуждению все основные разделы программы. В результате ее работ, а также работ избранной ею редакционной подкомиссии, исходный проект программы подвергся значительной переработке как в отношении архитектуры, так и в особенности в смысле уточнения ряда принципиальных положений. Прения на самом конгрессе, которым посвящен настоящий выпуск, лишь подытоживали всю упомянутую выше предварительную работу и давали ей окончательное завершение.

Стенограммы программной комиссии VI конгресса, так же как значительное количество накопившихся в ходе ее работ печатных материалов и письменных предложений, будут опубликованы особым изданием. Ввиду этого и поскольку речи на конгрессе являлись в значительной степени повторением высказываний, сделанных на программной комиссии, редакция сочла возможным подвергнуть их частичному сокращению, сохраняя, разумеется, основные положения ораторов.

ЗАСЕДАНИЕ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ.

9 АВГУСТА 1928 Г. (УТРЕННЕЕ).

Доклад т. Н. И. Бухарина о проекте программы Коммунистического интернационала. Заявления гг. Бэнтинга и Беннета. Приветствия и ответы на приветствия.

ДОКЛАД ТОВ. БУХАРИНА.

Председатель т. Тельман.

Характерные черты проекта программы.

Программа Коминтерна есть программа мировой диктатуры пролетариата.

Коснусь прежде всего некоторых специфических особенностей проекта программы.

Наша программа, это — не программа-минимум пролетарской партии. Основным стержнем предложенного конгрессу проекта программы, одухотворяющим его началом является идея диктатуры пролетариата. Наша программа есть программа диктатуры пролетариата.

Но это не только программа диктатуры пролетариата, это программа мировой диктатуры пролетариата.

Впервые в истории столь крупная и мощная мировая организация революционного пролетариата, как наша, пытается выдвинуть свою программу. Правда, и раньше имелись попытки программно обосновать диктатуру пролетариата. Но сейчас мы делаем первую попытку конкретной формулировки задачи по установлению диктатуры пролетариата в международном масштабе. Наша программа не есть программа одной секции, одной части революционного пролетариата, — это программа Коммунистического интернационала, т. е. программа мирового пролетариата. Наша программа составляется и разрабатывается в совершенно особую эпоху, когда проблема диктатуры пролетариата, проблема революции, проблема завоевания власти и пр. носит уже не академический, а актуальный характер, когда эти проблемы вплотную и остро встают перед нами, как задачи наших дней, нашей эпохи, нашего времени. Рожденная в эпоху войн и революций, когда на одной шестой части земного шара уже существует диктатура пролетариата, наша программа есть боевой документ эпохи, документ, намечающий путь непосредственно идущей революционной борьбы пролетариата за его мировую диктатуру.

Историческое место, своеобразие и форма программы Коминтерна.

Эти черты придают нашей программе совершенно своеобразный характер. Сопоставляя нашу программу с программами партий II Интернационала, мы видим, что между ними залегла огромная пропасть. Программы партий II Интернационала, это — только лишь национальные программы партий, присоединившихся ко II Интернационалу. Весьма сомнительно, чтобы II Интернационал был в состоянии выработать свою международную программу. Возможность этого не исключена, но партиям II Интернационала выполнить это очень трудно, ибо различия между партиями II Интернационала чрезвычайно велики. Политическая и, в особенности, внешнеполитическая линия социал-демократических партий настолько соответствует линии их «отечественной» буржуазии, что разногласия между этими партиями в основном отражают противоречия между буржуазией различных стран, и это сказывается в критические моменты жизни буржуазного общества: стоит только вспомнить рурскую оккупацию и позицию различных социал-демократических партий в этом вопросе.

Анализируя программы партий II Интернационала, например проект английской рабочей партии, программу австрийской социал-демократической партии, программу германской социал-демократии, принятую в Гейдельберге, мы убеждаемся в том, что это не только не программы диктатуры пролетариата (этого никто из нас в них не ищет), но программы строительства капиталистического общества, программы строительства капиталистического государства. С этими партиями у нас нет и не может быть общего языка.

К совершенно иным выводам приходим мы, сопоставляя нашу программу с более ранними документами революционного марксизма. Однако, сравнивая наш проект с этими самыми яркими документами рабочего движения, с самыми выдающимися произведениями революционного марксизма, мы видим, что наша программа отличается и от них рядом специфических особенностей.

Эти специфические черты обусловлены потребностями нашего времени, потребностями, отсутствовавшими раньше. Самые выдающиеся программные документы революционного марксизма, принадлежащие перу самого Маркса, как «Учредительный адрес» I Интернационала и, в особенности, «Коммунистический манифест», являются путеводной нитью для целой эпохи в истории человечества. Основные принципиальные положения «Коммунистического манифеста» сохраняют свою силу и в наши дни. «Коммунистический манифест» — это подлинно революционная программа международного пролетариата. Именно этими свойствами «Коммунистического манифеста» объясняется тот факт, что современная перерождающаяся социал-демократия так энергично борется с принципами «Коммунистического манифеста»: порою открыто, порою замаскированно, но она ведет эту борьбу по всему фронту. Анализируя несколько подробнее эти документы, и в первую очередь «Коммунистический манифест», — это, своего рода, «евангелие» «четвертого сословия», мы видим, что программные положения даны в них в алгебраической форме. Более конкретной расшифровки, той конкретизации этих положений, которой требует наша эпоха, — этого мы в «Коммунистиче-

ческом манифесте» не найдем и не можем найти. Коммунистическое движение носило в ту пору преимущественно пропагандистский характер. Коммунизм поднял уже свое знамя, но за ним еще не было мировой армии пролетариата.

От этого момента нас отделяет очень длинный исторический период. После гибели I Интернационала наступила новая полоса в развитии рабочего движения.

За это время родился II Интернационал, сложились крупные социал-демократические партии. В процессе развития капитализма, и европейского и американского, эти партии «обуржуазились», идеологически переродились. В огне мировой войны произошло крушение II Интернационала, родились коммунистические партии, которые организованно сложились и оформились в Коммунистический интернационал. Последовал возврат к революционному марксизму, но возврат на новой основе, на основе нового опыта, на основе новых запросов времени. Теперь мы уже не только пропагандисты коммунизма. Коммунистический интернационал несомненно пропагандирует революционный марксизм, но эта весьма крупная, мощная организация есть активно действующая организация. Эта организация опирается на диктатуру пролетариата в бывшей царской России; на многочисленные когорты борющегося пролетариата в других странах; она уже проникает во все части света, она возглавляет грандиозную борьбу на азиатском материке — в Китае, она представляет собою такую силу, что организованной мировой буржуазии приходится яростно обороняться от коммунистической опасности. Мы уже не только пропагандистское общество, но и первоклассный фактор в борьбе мирового пролетариата, первоклассный фактор мировой политики вообще. Поэтому вполне понятно, что разные проблемы стоят перед нами уже не в общей, а конкретной форме, и что ответы на запросы наших партий тоже должны быть конкретными. Этими характерными особенностями эпохи объясняются и специфические черты нашей программы, своеобразная форма нашего проекта программы. В дискуссии, развернувшейся в печати, некоторые товарищи сетовали на то, что программа-де слишком длинна, что она написана, мол, слишком сухо, не отвечает «понятию» программы и не достигает поэтому вполне своей цели. Некоторые товарищи пытались это обосновать ссылками на Энгельса, настаивавшего на необходимости краткой и точной (*kurz und präzis*) формулировки программы. Они указывали, что наш проект представляет собой скорее комментарий к программе, материал по программному вопросу, чем самое программу. Однако во всей дискуссии в печати и здесь на конгрессе чуть ли не все конкретные предложения сводились к тому, что в результате их принятия программа не только не укорачивается, а наоборот, удлиняется.

Полагаю, что вышеуказанная аргументация грешит ошибкой методологического свойства. Те товарищи, которые критикуют нашу программу, руководствуются не запросами и требованиями нашей эпохи, а лучшими образцами программы в прошлом. Такая постановка вопроса страдает явной односторонностью. Разумеется, можно составить программу гораздо более краткую, содержащую в себе в алгебраической форме отвлеченный анализ капитализма, диктатуры пролетариата, переходного периода, ком-

мунизма и прочее. Но не это требуется в данное время для наших партий.

У нас имеются партии в Южной Африке, в Китае, в Южной Америке, во всех частях света; нет ни единой страны, где бы ни было хотя бы группы коммунистов. Крупнейшие проблемы нашей эпохи — проблемы программного характера — требуют от нас анализа соотношений между этими странами, требуют подведения основ под общую тактику и стратегию Коммунистического интернационала, взаимной увязки тактики компартий различных стран. Марксу не приходилось сталкиваться с такими задачами. Когда Маркс писал свой знаменитый манифест, такие задачи, задачи мирового размаха, еще не стояли непосредственно на очереди дня. В последующую полосу II Интернационала недостатка в громких словах и фразах не было: во II Интернационале много толковали о «братстве народов», о необходимости объединения всех пролетариев, об Интернационале и пр. Продолжают говорить об этом во II Интернационале и теперь. Но приглядитесь к тому, что происходит сейчас на конгрессе II Интернационала. Из сообщений об этом конгрессе видно, что скамьи представителей колониальных стран пустуют. Это конечно не случайно. В наших же заседаниях участвуют подлинные представители самых различных колониальных народов и стран. Представители партий Коммунистического интернационала, и колониальных, и европейских, и американских, не ограничиваются платоническими разговорами о «братстве народов», но дружно ведут совместную борьбу и связаны организационно друг с другом. Наша международная работа имеет еще много недостатков, но можно, не преувеличивая, сказать, что такое пролетарское сотрудничество создается впервые в истории, что в первый раз в истории человечества мы разрабатываем международную стратегию, международную тактику пролетариата и стараемся координировать, увязать между собой тактику, проводимую нами в различных странах. Мы стараемся найти идеологическое выражение тому, что происходит в действительности, мы не щеголяем фразеологией, но базируемся на реальных фактах. Смело можно сказать, что Коммунистический интернационал, это — единственная сила, организующая в международном масштабе массы пролетариата и определяющая их общую стратегию и тактику. Это наблюдается впервые, и вполне понятно, что наша программа должна иметь некоторые специфические черты, отсутствовавшие даже в лучших документах прежних эпох. Те товарищи, которые, сопоставляя наш проект с краткими программами национальных секций или с «Коммунистическим манифестом», требуют, чтобы программа Коминтерна была «не длиннее», применяют неправильный критерий: такие требования имеют в своей основе неправильное положение, что наше время ничем якобы не отличается от прежних времен и не имеет специфических черт, специфических запросов и специфических требований.

Чем определяются изменения, внесенные в прежний проект программы.

На прошлом конгрессе Коммунистического интернационала обсуждался и был принят проект программы. Специальной комиссии было поручено внести в него редакционные поправки для последующего обсуждения его

на VI конгрессе. Программная комиссия Исполкома Коминтерна не ограничилась одними редакционными изменениями. Проект программы, предлагаемый нами от имени ИККИ, изменен весьма значительно по сравнению с прежним проектом. После V конгресса прошло 4 года. Объективные условия исторического развития значительно изменились. И изменения эти зачастую весьма существенны. Они требуют от нас не только известных изменений в тактике, но и несколько иной формулировки наших программных положений. Разумеется, это ни в коем случае не означает изменения основных принципов прежнего проекта программы.

Принципиальные положения нашей программы — это принципы революционного марксизма-ленинизма. Но в конкретные формулировки этих принципиальных положений при анализе капиталистического общества, при анализе положения в СССР, при определении выдвигаемых нами требований и намечаемой тактической линии необходимо было внести целый ряд изменений. Повторяю, все это обусловлено объективными изменениями в реальном процессе развития. Изменилась форма общего кризиса капитализма. Об этом я уже говорил в моем первом докладе на конгрессе и не буду поэтому на этом вопросе снова останавливаться. Произошла передвигка основных сил империализма. Азиатский материк пережил ряд громадных потрясений. Огромное значение имела — и, будем надеяться, еще большее значение будет иметь — грандиозная китайская революция. В стране пролетарской диктатуры, в СССР, достигнуты крупные успехи, произошло накопление большого опыта, грядущие пути намечились теперь гораздо более четко, чем это было 4 года назад. Специфические черты развития СССР и все явления международного характера теперь обозначились более отчетливо, чем ко времени предыдущего конгресса.

Изменениям экономической структуры современного капитализма, разного рода передвигкам в политической надстройке капитализма сопутствуют новые социальные явления. В период V Всемирного конгресса фашизм переживал лишь начальную стадию своего развития. Теперь у нас имеется уже не только классическая форма фашизма, но и ряд переходных стадий к нему. Фашизм стремится прочно укорениться в качестве особой системы, особого, с позволения сказать, «мировоззрения», нового «культурного идеала».

Наш главный враг в рабочем движении вступил в новый этап развития, — я говорю о социал-демократических партиях, партиях II Интернационала. Соответственно этому меняются внутренняя структура и функциональная роль реформистских профсоюзов, их подход к разного рода и программным и тактическим вопросам. Поэтому например проблема проводимой нами тактики единого фронта ставится уже теперь несколько иначе, чем 4 года назад. В связи с новыми явлениями в рабочем движении Исполком Коммунистического интернационала наметил и провел тактический поворот налево в отношении английской партии, французской партии и т. д.

Крупные изменения в той форме общего кризиса, который переживает капитализм, изменения в целом ряде других областей, о которых я говорил, заставили нас, программную комиссию ИККИ, несколько расширить свою задачу и не ограничиться внесением в прежний проект только технических,

редакционных поправок. Разумеется, это не входило в компетенцию программной комиссии с формальной точки зрения, и она превысила свои полномочия. Но мы надеемся, что VI Всемирный конгресс не вынесет нам порицаний, так как у программной комиссии, на мой взгляд, были достаточно веские мотивы, чтобы так поступить. Первая моя задача и заключается в том, чтобы показать, что те изменения, или по крайней мере основные изменения, которые внесены программной комиссией, вполне оправданы и обусловлены всей мировой ситуацией.

Наше мировоззрение—диалектический материализм.

Товарищи, одна из основных, характерных черт нашего проекта заключается в том, что он открыто заявляет, что Коммунистический интернационал применяет, защищает и пропагандирует революционный метод диалектического материализма Маркса и Энгельса. В основу всего проекта программы мы кладем конкретный анализ, сделанный на основе диалектического материализма как метода и как определенного мировоззрения, выдвинутого Марксом и Энгельсом. В данном проекте мы еще резче оттенили нашу приверженность революционному марксизму; в переживаемую эпоху необходимо ярко подчеркнуть эту идеологическую основу нашей программы. Я уже указывал, что социал-демократические партии и в идеологическом отношении переживают процесс глубочайшего перерождения и «обуржуазивания». Это не подлежит никакому сомнению. Германская социал-демократия, этот классический образец социал-демократической партии, до сих пор кокетничавшая марксистской фразеологией, хотя значительная часть этой социал-демократии давно уже эту фразеологию отбросила, — германская социал-демократия, являвшаяся в довоенные времена провозвестником научного социализма и подчеркивавшая, что социализм «с железной необходимостью» вытекает из капиталистического строя, что наши идеалы и наши цели глубоко уходят своими корнями в объективное развитие капиталистического общества, эта социал-демократическая партия теперь уже и формально совершенно порвала с научной традицией социализма. Она уже теперь не делает того вывода, что социализм возникает из объективного хода развития капиталистического общества. В германской социал-демократии идейную гегемонию получают совершенно иные идеологические течения, разного рода отпрыски английского эклектического псевдо-социализма, который в своих философских построениях выдвигает на первый план так называемые этические моменты. Крупнейшие теоретики социал-демократии стараются примирить Маркса со старо-гегельянством, с Кантом, с Бергсоном, с другими философами идеализма, даже с религией. По мере своей капитуляции перед буржуазией социал-демократия все чаще и чаще прямо и открыто нападает на мнимый «фатализм» научного социализма, иначе говоря на ортодоксальный марксизм, и подводит под свои теории этическую, а местами и религиозную основу. В эту эпоху мы должны особенно настойчиво подчеркивать, что мы твердо стоим на почве ортодоксального марксизма-ленинизма. Мы должны открыто заявить, — и в проекте программы мы это делаем, — что мы обосновываем необходимость социализма научными данными и что наша тактика соответствует этому объективному научному прогнозу. В своем

прогнозе мы устанавливаем историческую необходимость перехода от капитализма к социализму и в то же время претворяем наш прогноз в практику, в живую действительность. Одновременно с этим и в теснейшей связи с вышеуказанными положениями мы открыто проповедуем нашу марксистскую теорию крушения капитализма, нашу теорию революции.

Заметим здесь в скобках, что социал-демократия не только выбросила из своего лексикона термин «диктатура пролетариата», но что она вообще больше уже не говорит и о революции. Если она упоминает слово «революция», как, например, в программе рабочей партии, то там лишь, где она говорит о своей борьбе против революции. Программа германской социал-демократической партии говорит о «завоевании власти», но слово «революция» в ней вычеркнуто. Известный ренегат коммунизма Пауль Леви скромно и не без робости заметил на гейдельбергском съезде: «Господа, вы вычеркнули революцию вообще, вы выдвинули вульгарную эволюцию!» На что Рудольф Гильфердинг в заключительном слове примерно так ответил ему: «Что мы понимаем под революцией? Величайший революционер — капитализм. Капитализм ведь налицо. Значит, *eo ipso* и революция налицо!»

Итак метод диалектического материализма, историко-революционное обоснование социализма, учение о революции, учение о диктатуре пролетариата, — все эти моменты, тесно связанные друг с другом, составляют идеологическую основу нашего проекта программы.

Мировой мотив программы Коминтерна.

Абстрактным анализом удовлетвориться сейчас невозможно.

Проект программы, предлагаемый VI конгрессу, имеет по сравнению с прежними проектами еще одну специфическую особенность. Мы в этом проекте особенно ясно подчеркнули мировой мотив, определяющий всю архитектуру программы и проходящий через все ее главы. Этот мировой мотив накладывает свой отпечаток и на анализ общего кризиса капитализма, и на выработку нашей стратегии и тактики, и на наши программные требования. Мы сделали это, товарищи, потому, что теперь наше движение и потребности наших партий выросли. Теперь мы уже не можем удовлетворяться прежними методами разработки программы. Прежде — это было типично для любого проекта программы и любой партии; а также и у нас в СССР — программа начиналась с анализа абстрактного капитализма, начиналась с характеристики законов движения абстрактного капиталистического общества. Мы думаем, что потребности нашей эпохи требуют известного изменения этого типа программы. Наиболее острые проблемы нашей эпохи, как каждый понимает, связаны с проблемой империализма. Уже проблема империализма не позволяет нам ограничиваться одной характеристикой абстрактного капитализма. Абстрактный капитализм есть некоторое замкнутое целое, общество без внешних сношений, без внешней торговли, без экспорта капиталов и т. д. Каждый, кто знаком с теоретическими спорами в наших марксистских рядах, знает например, что, если мы анализируем проблему кризисов, воспроизводства и т. д., то, — так уже повелось со времени Маркса, — мы должны абстрагировать,

от внешней торговли и ряда других условий. Так разворачивается, как это известно каждому, и анализ в «Капитале» Маркса. Однако, если мы анализируем проблему империализма, то мы уже не можем оперировать одним понятием абстрактного капитализма. Анализ империализма имеет особой предпосылкой анализ отношения между различными составными частями капиталистической системы. Анализ империализма невозможен без анализа внешней торговли, без анализа экспорта капиталов, без анализа отношений внутри мирового капиталистического хозяйства. Таким образом здесь налицо уже нечто иное, чем простой и абстрактный «капитализм вообще». Проблема империализма имеет в качестве предпосылки непосредственный анализ мирового хозяйства и мировых хозяйственных отношений. Поэтому законы движения абстрактного капитализма можно взять как исходную точку дальнейшего анализа. Это мы должны сделать. Но удовлетвориться анализом абстрактного капиталистического общества сейчас стало невозможно. И поскольку потребности нашей эпохи, потребности мирового рабочего движения и различных коммунистических партий заставляют нас ставить вопрос все конкретнее, постольку опять-таки растет и потребность в конкретном анализе; это однако вовсе не означает, что мы должны загрузить нашу программу конкретными деталями. Но мы должны выявить в программе типичные особенности в отношениях между различными составными частями.

Почему мы подчеркнули анализ мирового хозяйства.

Попытаюсь осветить вопрос несколько иначе. Одна из социал-демократических теорий, направленных против нас, есть теория так называемого «ультра-империализма». Нужна ли в нашей программе контраргументация против этой теории? Я думаю, что да. Разве вопрос об «ультра-империализме» не одно из величайших теоретических расхождений, ведущих к крупнейшим политическим выводам? Конечно да. Но попробуйте трактовать проблему «ультра-империализма» с точки зрения абстрактного капитализма! Это абсолютно невозможно. С любой точки зрения мы вынуждены, — это отнюдь не отрицательный, а по-моему, положительный момент, шаг вперед в развитии идеологии коммунизма, — подчеркивать в нашей программе все тот же мировой мотив. Вы видите, насколько расширилось даже движение. Этого мы на V Мировом конгрессе еще не видели или не чувствовали в такой степени, как сейчас. Возьмите хотя бы то обстоятельство, что мы на этом конгрессе впервые имеем такое сильное представительство южно-американских стран, колониальных стран и т. д. Ведь это показатель нашего большого роста, и этот большой рост должен найти свое отражение в программе. Все эти аргументы привели нас к тому, что мы, исходя из анализа абстрактного капитализма, подчеркнули анализ мирового капиталистического хозяйства. Мы говорим о конкретно существующей системе мирового хозяйства, о системе всемирно-экономических отношений, мы говорим о системе мирового империализма, мы даем анализ его внутренних противоречий, мы исследуем вопрос об общем кризисе капитализма не только в абстрактных формулах

общей «теории катастроф», но мы расшифровываем эту теорию катастроф; мы разлагаем этот процесс, мы изображаем его конкретнее, как процесс мировой революции, слагающейся из различных составных частей. Допустим, что мы взяли бы процесс кризиса капитализма в совершенно абстрактной его форме. Тогда мы не получили бы никакого ответа на такие вопросы, как вопрос о роли национальных восстаний, о роли колониальных войн, о роли аграрных революций в отсталых странах и т. д. Необходимо ли ответить на эти вопросы в проекте программы? Думаю, что абсолютно необходимо. Напомню, например, о блестящей полемике т. Ленина, направленной против брошюры Юниуса — Розы Люксембург, или о статье Ленина против т. П. Киевского. В чем заключалась одна из гениальных черт Ленина? В том, между прочим, что он уже в период мировой войны, в самом начале ее, прекрасно понял разнородность, многогранность мирового революционного процесса, чего многие из нас тогда еще не понимали. Он уже тогда понял, что этот процесс не будет протекать в «чистых» формах «чистых» пролетарских восстаний, но что с этим процессом пролетарских революций будут сочетаться и национальные войны против империалистических властителей и колониальные восстания. Ленин уже тогда, во время мировой войны, указывал, что мировая революция совершается не как однократный акт, что ее надо брать не как абсолютно однородное целое, а что она слагается из различных составных частей, разнообразного социального характера и протекает, как длительный процесс, притом неравномерно развивающийся. Гегемония пролетариата в революции именно в том и заключается, что он, пролетариат, ведет за собой всю эту цепь мировых революционных процессов. Перед мировым пролетариатом стоит задача не только проводить «чистые» пролетарские революции, но и вести за собою крестьянство и колониальные народы; он должен, например, поддерживать такие национальные или даже националистские или даже непосредственно руководимые буржуазными революционерами восстания, как, например, ирландское восстание против британского империализма во время войны. Этого мы не понимали. Многие из лучших революционных умов рабочего движения, как, например, Роза Люксембург, тоже этого не поняли. Но если эта тема, т. е. конкретная расшифровка мирового революционного процесса, так исключительно важна для нашей непосредственной практики, то можем ли мы пройти мимо нее? Ни в коем случае. Эта тема не может отсутствовать в нашей программе. Мы не можем говорить только об абстрактной революции в абстрактном капиталистическом обществе, но мы должны говорить о мировой революции, и не вообще о мировой революции, а о мировой революции с точки зрения ее внутренней многоликости, с точки зрения ее разнообразнейших форм, которые лишь во всей своей совокупности образуют общий процесс мировой революции. Да и о процессе мировой революции мы должны говорить гораздо более конкретно, подчеркивая его внутреннее разнообразие. Итак, анализ должен носить более конкретный характер, и в то же время он должен быть связан с мировым мотивом. Поэтому нужна была также большая переработка главы о коммунизме — о нашей конечной цели. Мы и здесь говорим в новом проекте о мировой системе комму-

низма. Смело говоря, мы ставим здесь вопрос о нашем мировом плане на будущее. Мы говорим совершенно открыто: теперь речь идет уже не о коммунизме, как о какой-то абстрактной вещи; нет, в наше время мы стремимся действительно подчинить своему влиянию весь мир и руководить им, вести его к нашей конечной цели, и эта конечная цель вырисовывается перед нами уже в более конкретной форме. Мы заявляем, что в ответ на утопические планы империализма кровью и железом соорудить невиданный мировой трест мы ставим себе задачу: путем пролетарских революций, путем мировой революции овладеть всем миром и так распределить производительные силы всего мира, чтобы они могли развиваться наиболее мощным темпом. Поэтому мы и в главе о мировом коммунизме гораздо конкретнее выявляем особенности этой нашей конечной цели, что опять-таки обязывает нас подчеркнуть мировой мотив. Точно так же мы поступаем, когда характеризуем переходный период, когда мы говорим о различных «переходных периодах» в соответствующих типах стран.

Что является стержнем в нашем анализе стратегии и тактики.

Затем мы это делаем в главе о стратегии и тактике наших партий. Вопрос о стратегии и тактике очень важен и стоит в органической связи с нашими текущими тактическими задачами. При обсуждении наших тезисов по первому пункту порядка дня мы отметили, что почти все наши партии обнаружили ряд недочетов при проведении международных кампаний, в особенности кампании в пользу китайской революции и т. д. Но такая постановка вопроса означает, что мы уже поставили перед собой, как практическую задачу, вопрос о координировании нашей борьбы в различнейших частях мира. Что означают демонстрации в Берлине в пользу китайских рабочих? Это вопрос о координировании борьбы китайских рабочих и берлинского пролетариата. И чем более мы будем расти, тем в большем объеме станут перед нами эти задачи. Что означает лозунг защиты СССР? Не что иное, как выработку международной стратегии и тактики различных партий, примыкающих к Коммунистическому интернационалу. И здесь, разумеется, перед нами встают большие трудности. Как можно связывать друг с другом такие разнохарактерные задачи, как уложить их в программные формулировки, как найти основную линию, которая позволит нам рассматривать эти различные формы тактики и стратегии под углом зрения нашей общей стратегии? Я думаю, все товарищи заметили, каким путем мы пытались решить эти проблемы: мы поставили во главу угла борьбу за мировую диктатуру пролетариата, рассматривая борьбу любого рабочего класса в соответствующих странах, как некую ступень в развитии интернациональной борьбы за мировую диктатуру пролетариата. Таким образом, мы в нашем проекте различаем три типа стран: высоко развитые капиталистические страны, страны с средним уровнем развития, — это, надо сознаться, очень условное, неточное выражение, — и затем колониальные и полуколониальные страны. Мы пытались обрисовать специфические особенности этих стран. А в соответ-